

Вот небо и вооружило грозного мстителя в лице Германии. А кто же будет мстителем бывшей России?! А будет!!!» (II, с. 758). Но к началу 1941 г. у него не осталось сомнений и в том, что «Германия совсем озверела» (II, с. 761).

Ещё ранее, в конце сентября 1939 г., Степан Дмитриевич констатировал, что «произошёл новый — это уже четвёртый раздел Польши». Но его отношение к случившемуся было по меньшей мере противоречивым. Он был доволен тем, что Польша «сходит с исторической карты» (хотя и с сочувствием отзывался о поляках, «которые дали миру столько гениев»). По его словам, «надо бы радоваться, что замученная историческими насилиями огромная часть р[усского] народа будет воссоединена опять с Русью». Но он осознавал, что на присоединённые территории «идёт рабство хуже монгольского», и сомневался, «сохранится ли р[усская] народность в том виде, как мы её знали доселе, т.е. с её обычаями и главное — верностью дедовской вере». «Я прихожу в ужас от предстоящего, — писал Яхонтов, — когда будут ломать народную жизнь; разрушать храмы; веру православную, как и у нас». Да и то, что «русское войско нахлынуло, как стервятник на падаль», ему явно не импонировало (II, с. 745).

Нападение Германии на СССР, по существу, не изменило настроения Яхонтова. Осенью 1941 г. его одолевали мрачные предчувствия «разрушения рус[ского] гос[ударства]», ему оставалось лишь размышлять о том, «почему мы не можем победить», и ожидать приближавшейся смерти (II, с. 764—766). Он уже «приготовился оставить всё» и удивлялся рассказам о том, будто «в городе есть слух, что я выслан из Рязани. Смешали с сыном. Куда? Меня только в могилу можно сослать, чтоб не мешался. Да и за что? Я не родинолобец. Завтра попробую пригласить священника — принять Св[ятых] Т[айн]. Вот только, что мне нужно» (II, с. 770). И всё же под бомбёжками в прифронтовой Рязани больной и беспомощный старик не прекращал делать записи в дневнике. Теперь уже ему казалось, что «самое дорогое для будущего ценное — это мои автобиографические записи» (II, с. 771, 773). Эту мысль мемуарист не уставал повторять в последние свои дни.

Воспоминания С.Д. Яхонтова, охватывающие почти восемь десятилетий, дают серьёзный повод для размышлений о судьбах его современников, поднимавшихся в пореформенные десятилетия на волне радикальных перемен, охвативших русское общество, но не всегда сочувствовавших тому, что называют сегодня модернизацией, переживших великий революционный переворот, сокрушивший старую Россию, и оказавшихся в печальном положении «бывших» людей. Понять смысл происходивших процессов и найти своё место в быстро менявшемся мире было невероятно трудно. Об этом свидетельствуют и грандиозные мемуары Степана Дмитриевича, на страницах которых строгий историк спорит с пристрастным очевидцем.

Андрей Тихонов: Трудная судьба «маленького человека»

Andrey Tikhonov (Vladimir State University, Russia): The difficult fate of the «little man»

DOI: 10.31857/S086956870016623-6

Краеведение составляет важную часть исторического знания, позволяющую наиболее точно восстановить картину происходившего в разных местах, установить существенные детали событий общероссийского и даже мирового значения. Каждый регион России имеет своих хранителей и исследователей древности. Но Рязанской земле особенно повезло. Под редакцией профессора

П.В. Акульшина изданы обширные воспоминания её главного краеведа конца XIX — первой трети XX в. — С.Д. Яхонтова, которые раскрывают все оттенки жизни этой части России во всей её красоте. К печати их подготовили сотрудники Государственного архива Рязанской области Т.П. Синельникова, Н.В. Пономаренко, В.М. Попова и М.В. Гольцева. Участвовал в работе над книгой и внук мемуариста Б.Г. Белоглазов.

Яхонтова можно назвать создателем рязанского краеведения. Он был членом Рязанской учёной архивной комиссии, устройтелем и директором губернского архива и краеведческого музея, пожизненным членом Императорского Православного Палестинского общества и одним из его руководителей в губернии. Основная ценность его мемуаров — в целостности описания сложной эпохи и внимании к мелким деталям быта. В них отражена трудная судьба «маленького человека» второй половины XIX — первой трети XX в. Детство Яхонтова прошло в большой семье (восемь братьев и сестра) сельского пономаря, в бедности и в постоянных поисках пропитания и сравнительно сносных условий существования. Надежду на его прочное улучшение могло дать только образование. Неудивительно, что Степан Дмитриевич подробно описал своё обучение, начиная с уездного училища и до Московской духовной академии, где, во многом под влиянием В.О. Ключевского, он увлёкся историей, что и предопределило его дальнейшую деятельность.

За исключением нескольких лет, проведённых в начале 1880-х гг. в Екатеринославе, Яхонтов никогда не покидал надолго Рязанский край и оставил в мемуарах яркие портреты его жителей: учащихся и учащихся, священнослужителей и дворян, простых обывателей и прежде всего — родственников и домочадцев самого Степана Дмитриевича. Оставаясь умеренным консерватором, он в 1905—1907 гг. поддерживал «Союз 17 октября», но затем вышел из него «и с этих пор ни в каких политических партиях не состоял и политикой не занимался» (I, с. 567). После 1917 г. Яхонтов болезненно воспринимал политику большевиков и особенно их жёсткое отношение к Церкви. В 1920—1930-е гг. его симпатии были на стороне «тихоновцев», которым партийно-государственные органы пытались противопоставить раскольников-обновленцев.

В 1920-е гг., в «золотое десятилетие российского краеведения», несмотря на нищету и бытовую неустроенность, Яхонтов сумел наладить работу местного архива и музея, которыми успешно руководил в 1919—1929 гг. Но вскоре власть решила «очиститься» от выходцев из дореволюционной интеллигенции и духовенства, видя в них своих потенциальных противников. А именно они в основном и занимались тогда краеведением, которое представляло собой одну из форм демократической самодеятельности населения и опиралось на традиции, сложившиеся ещё на рубеже XIX—XX вв. Возникшее в результате «дело краеведов» завершилось арестами во многих регионах страны. Новому составу Центрального бюро краеведения во главе с П.Г. Смидовичем такие люди, как Яхонтов, были уже не нужны. В 76 лет его обвинили в воровстве музейных экспонатов и даже продержали в тюрьме. Последующие годы стали для него временем выживания: из своего дома на центральной Астраханской улице ему пришлось переехать в более скромное жильё на окраине Рязани, он оказался практически без средств на одежду, питание и дрова для отопления, всё чаще давали о себе знать болезни, а воспоминания о минувшем переплетались с ожиданием приближавшегося конца.

Любопытно, что схожим образом складывалась и судьба «владимирского Яхонтова» — Неофита Владимировича Малицкого, также происходившего из духовного сословия, обучавшегося в семинарии, ставшего в советские годы создателем архива и музея в соседней губернии, арестованного и осуждённого по «делу краеведов» и уже не вернувшегося к активной деятельности. Но именно благодаря ему во Владимире уцелели многие уникальные документы (в том числе относящиеся к XVI в.), а Государственный архив Владимирской области является одним из наиболее богатых источниками в провинциальной России.

Фёдор Гайда: Подвиг энтузиаста

Fyodor Gayda (Lomonosov Moscow State University, Russia; Saint Tikhon Orthodox University, Moscow): Enthusiast's feat

DOI: 10.31857/S086956870017205-6

В течение всей своей долгой жизни С.Д. Яхонтов сохранял удивительное здравомыслие, осмотрительность, критичность, оставаясь при этом настоящим энтузиастом, преданным своему делу и идеалам. Будучи выходцем из духовной среды, выпускником рязанской семинарии и Московской духовной академии, преподавателем истории в учебных заведениях Рязани, он во многом разделял славянофильские взгляды. В 1877—1878 гг. его увлекали речи И.С. Аксакова (I, с. 775), в 1914 г. к войне он отнёсся «патриотически» (I, с. 899). Став в 1906 г. одним из организаторов местного отдела «Союза 17 октября», он уже в следующем году, разочаровавшись в работе Думы, вышел из партии и навсегда потерял интерес к политической деятельности (I, с. 567).

В 1883—1915 гг. основным занятием Степана Дмитриевича являлось преподавание в Рязанской духовной семинарии. «Бывало, идёшь в класс, — вспоминал он, — несёшь уйму новых сведений из истории, знаешь, что их тотчас же подхватят, поймут твои выводы, заинтересуются и в тот же или на следующий урок поставят тебе вопросы, которые обнаруживают, что брошенные тобой мысли прошли чрез хорошую мозговую работу. Ну как же в такую плодородную почву не бросать с увлечением хорошие семена! И я работал и работал. С затхлыми сведениями и взглядами в класс не являлся. Я рвался из сил овладеть современной историей и её вспомогательными дисциплинами, чтобы принести всё это в класс» (I, с. 457). Вместе с тем Яхонтов видел, что «семинарии [18]70—[18]80-х годов как будто изменяли сами себе: лучшие ученики покидали её и валом валяли вон, в светские учебные заведения». «Сказать по правде, — признавался он, — обидна была для церкви, в узком, конечно, смысле, потеря лучших сил, возвращённых однако же на её средства (тоже в неточном смысле). И вот, с воцарением Александра III, сделана была попытка сначала урегулировать этот поток, а потом и совсем запрудить его». По мнению Яхонтова, «подходящий человек для того был налицо — [К.П.] Победоносцев». Более того, «лучшего человека и выбрать было нельзя. И если дело церкви не получило надлежащего лечения, то не Победоносцев тут виноват, как не виноват царь, что только взнуздal Россию, а не избавил от воздействия современности». В результате преобразование семинарий не только не способствовало «борьбе с тем ядом, который уже действовал в церкви и её школе — с времён реформ Толстого», но лишь ожесточило семинаристов, которым затруднялся доступ в университет (I, с. 475). Одновременно с 1890-х гг. в духовных учебных заведениях усилился «формализм», увеличилась дистанция между учащими